

Выбор Игоря Гулина



ТАРАБАС
Йозеф Рот

Издательство Текст

Перевод Нина Федорова

ПОЧТИ ВСЕ КНИГИ австрийского классика Йозефа Рота рождены на перекрестке двух границ. Первая — общая для авторов его поколения: между миром до и после Первой мировой. Другая, волновавшая только его среди больших европейских писателей — территориальная производная первой: исчезнувшая граница между Австро-Венгерской и Российской империями, представленные отныне самим себе независимые земли посредине между уже не столь великими Востоком и Западом. Корень чарующей меланхолии текстов Рота лежит в определенной двусмысленности. Новые государства с их молодыми культурами для него — следы разложения большой истории, то, что возникло после конца. Вглядыванию в это «после», а также «незадолго до» посвящены и самый известный «Марш Радецкого», и ранний «Отель „Савой“», переведенный несколько лет назад, и более поздний роман «Тарабас».

Его герой, бездумный, заносчивый и неприятный человек по имени Николай Тарабас, — уроженец как раз такой территории на западных окраинах Российской Империи (усредненной Польши-Прибалтики-Молдавии). В начале романа он — неудачливый участник революционного кружка, отправленный богатыми родителями в Америку. Оттуда к нему взывает Первая мировая война: им движет скорее не патристический долг, а почти мистическое место, уготовленное ему судьбой в огромном месиве. В следующие годы полковник Тарабас становится идеальным военным — маленьким кровавым божком. Впрочем, главное действие начинается, когда война заканчивается, распадается

БЕЗДУМНЫЙ,
ЗАНОСЧИВЫЙ И НЕПРИЯТНЫЙ
ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ
НИКОЛАЙ ТАРАБАС,
НЕУДАЧЛИВЫЙ УЧАСТНИК
РЕВОЛЮЦИОННОГО КРУЖКА,
СТАНОВИТСЯ
ИДЕАЛЬНЫМ ВОЕННЫМ —
МАЛЕНЬКИМ КРОВАВЫМ
БОЖКОМ

государство, за которое герой сражался. Исчезает сила, что определяла разрушительную для окружающих траекторию его тела. Потеряв эту точку притяжения, Тарабас становится источником хаоса.

Новообразованное молодое государство на его родных землях не может заменить ему империю, потому что требует не крови, а рационального созидательного действия. Оно — несоразмерная ему сцена, поэтому его появление на ней чревато катастрофой. Эта катастрофа принимает форму погрома в еврейском местечке — чудовищного ритуала, уничтожающего едва воцарившуюся гармонию и отправляющего героя по непредсказуемому новому пути.

В имперском масштабе Тарабас выступает агентом безжалостной к отдельным людям большой истории. Заключение в пространство крохотного местечка, сила этой истории становится силой притчи. Сжатие в масштабах меняет героя. Он остается человеком без личности — движимым чем-то неведомым ему самому. В первой части романа это бездумный инстинкт поглощать и уничтожать. Во второй — его ведет логика жертвы. В неведомости самому себе, внутренней пустоте бездумный монстр может превратиться в почти сакральную фигуру — святого, призванного искупить сам грех войны.

В этой немного странной книге, написанной в 1934 году, после бегства Рота из нацистской Германии, уже, разумеется, нет порочно-сладостной ностальгии по империи. В ней есть подлинный страх и еще одна странная попытка спасти любимое прошлое: превратить имперскую историю в историю священную.



УСТНАЯ РЕЧЬ
Сергей Морозов

Издательство

Виртуальная галерея

Новая книга

замечательного проекта «Культурный слой», заполняющего лакуны в истории советского поэтического андерграунда. Погибший в 1985 году Сергей Морозов — автор не то чтобы полностью забытый. Его стихи появлялись в печати с конца 1980-х, имя так или иначе всплывает в воспоминаниях, в основном в связи с группой СМОГ (Морозов был близок к «смогистам» в 1960-х). Однако «Устная речь» — первое представительное избранное его стихов. Подготовить его успел социолог и филолог Борис Дубин, один из ближайших друзей Морозова, хранитель его архива, много сделавший для того, чтобы вернуть почти исчезнувшего из течения даже подпольной культурной жизни друга в историю литературы.

Когда читаешь эту книгу, выпадение Морозова, его прописанность где-то на полях становится понятна. Дело не в качестве поэзии. Как и другие его друзья по СМОГУ, Морозов был зачарован Серебряным веком, чувствовал себя собеседником и продолжателем старших модернистов — в его случае прежде всего Пастернака. Но если, скажем, для Леонида Губанова эта любовь была делом публичным, требующим громких признаний, коллективного горения, то для Морозова она носила абсолютно частный характер. Его стихи — долгий и очень нелегкий разговор с самим собой, не требующий свидетеля, но и не избегающий его. Они кажутся абсолютно независимыми от суждений и оценок предполагаемого читателя. Оттого при встрече с ними испытываешь легкое чувство неловкости. «Оставлю открытым блокнот — / пускай на пустую страницу / рябиновый свет упадет, / морозцем размер заструится. // Синичий застенчивый писк / точнее, чем рифма, короче. / Здесь речь оправдывает не риск, / а тяга сквозная со строчек. // И то, если вдруг сбережет / блокнота страница нагая / рябины предзимний ожог, / синичьей подсказкой играя».